

(по тексту выступления на международной конференции "Другая Европа: Культурная парадигма и геополитическая реальность", состоявшейся в Минске 23-26 сентября 1996г.)

Мы живем в странное, грустное и веселое время. Когда герои похожи на комиков, маргиналы на мудрецов, политики на карнавальных провокаторов. Бездны обнажены, и мы смотримся в них почти как прыгуны в воду с десятиметровой вышки. Перед гибелью или вознесением мы считаем сколько и какие салто успеем сделать. Те, кто уже погиб, рассказали нам, что бездны эти, хоть и жуткие, но сугубо виртуальные. Что ж, от мнимых болезней люди имеют свойство страдать никак не меньше (если не больше), чем от действительных. Бездны обнажены, зрители неустовывают, футбольный матч подходит к концу... Читать Эко в таких условиях... Эка невидаль... Мужчина, уступите мне место и сделайте звук потише, или я вас убью.

... Имя этому грохоту за окном (компьютерным?), этой нефигуративной реанимационной тишине в том самом, что по старой памяти ("save") мы называем "душа", этому быющему из всех кровеносных сосудов, сцеплений и труб напору, этому выпуклому ирреальному миру - имя ему - постмодерн.

Сначала "постмодернизм" появился как архитектурный термин, обозначивший период "новой эклектики", очеловечивания конструктивной и тоталитарной урбанистической среды. Потом художники и их интерпретаторы (среди них и настойчивый Акилле Бонито Оливи) все громче заговорили о поставангарде. И наконец в 1969 году в "Плейбое" американец Л.Фидлер сообщил всем еще сомневающимся, что нужно делать: "Пересекайте границы, засыпайте рвы", с Новым годом - с постмодернизмом Вас!" Соломинка, Лигейя, Серафита.... Прошу извинить... Делез, Фуко, Гваттари, Деррида...

Привычный автор стал или прикинулся (что нередко более убедительно) скриптором и персонажем в одном лице, в одной личности и сразу в нескольких разбегающихся по своим делам сознаниях, логоцентризм съела ризома, как разночинцы - аристократию, как миграция - Америку и Сибирь, как лимита - Москву (грибная лихорадка каталогов и директорий увлекшегося программиста), линейный сюжет заблудился во множественных дискурсах, все тексты пожелали слиться (пожелали, слились и разошлись во мнениях - и так много, много, много раз) в единый метатекст, а вместо борьбы с предыдущими стилистическими школами и шедеврами началась всесторонняя демифологизация, де- и только после - импровизационная реконструкция, свободная, ироническая и игровая перекличка со всей мировой культурой, причем не только с художественной. Все пограничники (преувеличиваю, конечно) превратились в проводников и полупроводников, мертвые языки (помните, что наши дедушки так именовали пленных) в живые и наоборот, и лишь хрупкое человеческое тело, старомодно нелишенное очевидных признаков симметричности, оставшееся без навязчивого контроля моралистов и цензоров, появилось на поверхности исторического процесса как единственная экзистенциальная и эстетическая ценность...

Я не буду касаться подробной истории самого новейшего времени. Однако подлинность глубоких мутаций и тектонических сдвигов в сфере культуры, осознанных как пришествие постмодернизма, в значительной мере подтверждена крушением коммунистической империи, падением ржавого "железного занавеса" и Берлинской стены, отделяющих одно человечество от другого. Цепь радостных и мучительных политических катаклизмов, актуализировавших новейшие проблемы также, как и проблемы уходящие в глубь истории - от экономических, технических, экологических до этнографических, национальных, религиозных - может вполне рассматриваться как универсальный постмодернистский сюжет, как новое (причем - одновременное) смешение, разделение и переселение народов в мире с единой массовой культурой, разными национально-культурными дискурсами, мукой самоидентификации и "счастьем" свободного выбора на основе Всеобщей декларации о правах человека. Такое уже не способен сочинить никакой "Большой" писатель-творец типа Льва Толстого (не сердитесь, Лев Николаевич) или Александра Солженицына - здесь явно гений постмодернистского скриптора...

Российский постмодернизм (преодолевающий доморощенный "реализм" гораздо настойчивее, чем модернизм и авангард) явился задолго до того, как утвердилось само это слово. И если вхождение всей российской культуры в общемировое и европейское пространство по-прежнему достаточно проблематично, то творчество независимых русских писателей, художников и музыкантов постмодернистской генерации почти сразу оказалось в этом пространстве, было им востребовано и впитано. Они играли (если играли) с огнем и из этой нежной, особенно на ощупь, материи создавали свои такие неотвратимые и эфемерные тексты, необыкновенную, уникальную в своей трагической заурядности языковую реальность (а это уже было делом не столько цеховым, сколько универсально-общественным). Еще не было гомерического и шапкозакидательского

слова "постмодернизм", когда шлюзы открылись и - поток хлынул. И в этой отчаянной и залихватской способности говорить со временем на его языке, его языком, которого оно само еще не ведает и боится (не безязыкая корчится улица - в бреду она, в лунатическом сне, в режиме речевого нон-стопа) - родовые черты "другой" формации. Начался сезон пассатов. И это не вслед за ними заскрежетали по водосточным трубам бесвестные последователи, не вслед, а благодаря... Благодаря изменению климата, благодаря ливню, призванному, как ритуальными заклинаниями, их конкретизмом, их скрипторством, их артикуляцией... А теперь можно отделить себя от этой бесконечной (но не безначальной) стихии хотя бы зонтом...

Я имею в виду и отчасти (а может - и в первую очередь) поэзию И.Бродского, и совсем не отчасти искусство андерграунда от Лианозовской школы (Я.Сатуновский, Вс.Некрасов, Г.Сапгир, И.Холин) и группы Черткова (Л.Чертков, А.Сергеев, ранний С.Красовицкий) до А.Цветкова, "московских концептуалистов" (Л.Рубинштейн, Д.Пригов, В.Коваль, В.Друк, М.Сухотин, Н.Искренко, В.Тучков, Т.Кириков), С.Гандлевского, М.Айзенберга и ленинградских "метареалистов" (В.Кривулин, Е.Шварц, А.Миронов, С.Стратановский, А.Ожиганов и др.). Лианозовцы и чертковцы сформировались еще в конце 1950-х, а в 1960-70-е вместе с уже названными в полный голос (неравномерно услышанный только на Западе) о себе заявили художники О.Васильев, Э.Булатов, Ф.Инфантэ, И.Кабаков, прозаики Е.Харитонов, Вен.Ерофеев, М.Соковнин и др. Как только полицейское "земное притяжение" социалистической Родины ослабло, представители нового русского искусства стали фактически гражданами мира, не теряя при этом собственной специфики. Они переведены на многие языки, выставлены во множестве галерей, отмечены премиями и стипендиями, приглашены в качестве преподавателей в различные университеты Европы и Америки (пожалуй, лишь Вс.Некрасов остается для многих "великим немцем", во всяком случае, так он сам, и не без оснований, считает). И при всех оговорках и смещенных акцентах, лучшие русские авторы находятся в центре современного художественного процесса, где вовсе не кажутся провинциалами с края Ойкумены... После них обрели свои интонации новые одиночки, причем уже не только в столицах, но и в разных углах и закоулках российской вселенной, им теперь никто не мешает, их теперь почти никто не слышит. Лучший читатель - писатель, лучший писатель - читатель. Постмодернизм преодолевает водораздел между массовым и элитарным и остается с самим собой, потчует оба берега речевым озоном...

Так обстоит дело с художественно-культурным слоем собственно постмодернистского мышления (как бы собственно он себя не именовал). Однако есть постмодернизм и есть ситуация постмодерна. И в этом смысле ситуация в России запутана и неоднозначна. И песча на ее просторах гораздо больше, чем воды.

Помимо современной интеллектуальной и художественной волны (назовем ее - вменяемая постмодернистская) в постсоветских условиях существуют и часто доминируют совершенно иные культурные структуры-тенденции. А именно - официальная неоимперская, либерально-консервативная и фундаментально-националистическая. Первая из них (просвещенно-неоимперская) связана с выработкой новой "великой" идеологии, возрождением общегосударственных ценностей, навязыванием общероссийского культурного централизма. Для нее характерны явно эстетически архаичное монументальное строительство (это и копиистское восстановление храмов, открытие большого количества псевдоклассических монументов и памятников, один Клычов чего стоит), установление общей символики часто на уровне китча, создание единых образовательных и культурных программ, поддержка деятелей традиционного соцреалистического искусства в качестве адептов единого классического (и в этой ипостаси - неоимперского русского) искусства и т.д. Либерально-консервативные деятели, сформировавшиеся еще в "хрущевскую оттепель", по-прежнему блюдут эстетическую невинность, ратуют за то, чтобы искусство продолжало решать воспитательные, просветительские и морально-нравственные задачи (на смену "детям XX съезда КПСС" приходят "дети первого съезда народных депутатов СССР", "взглядомцы" к примеру). Они претендуют на роль просвещенных учителей и советников новой политической элиты. Александр Исаевич Солженицын (самый радикальный и поэтому до сих пор неконформистский деятель), мнящий абсолютно серьезно себя Пророком, Мудрецом и Героем (именно так - с заглавных букв), многократно заявлял, что России угрожает не столько неоконмунизм или нацизм, или мусульманская экспансия, сколько постмодернизм, издавающийся по его мнению над всем святым, что есть у русского человека. Особенно страшен для него постмодернизм как явление общемировое, как космополитическая угроза общечеловеческим и национальным ценностям. Комические выпады заслуженного диссидента без юмора воспринимаются значительным числом культурных функционеров. Либерально-консервативное лобби контролирует в России большинство периодических изданий, выпускающихся в значительной мере (как и раньше) в Москве и Петербурге, довольно сильно влияет на электронные средства массовой информации и финансирование отдельных культурно-художественных проектов (так называемых "новых русских проектов").

Фундаментально-националистическая тенденция носит самый нелепый,

А.Соколов. "Каменная волна", 1995.